

КОНЦЛАГЕРЬ, В КОТОРОМ ЕЖЕДНЕВНО УМИРАЛИ ДЕСЯТКИ ЛЮДЕЙ

К осени 1941 года на территории Приднепровского края был установлен оккупационный режим, так называемый «новый порядок», который по отношению к местному населению обернулся геноцидом, террором и насилием.

Главным средством поддержания такого порядка были войска и различные тайные службы СС, СД, гестапо, полевая жандармерия и другие. Характерной особенностью политики геноцида и «выжженной земли» стало уничтожение населенных пунктов вместе с жителями. За годы оккупации немецкие войска и их пособники провели на территории Беларуси более 140 крупных карательных операций, в ходе которых целые районы превращались в мертвое пространство. Была создана разветвленная система учреждений для содержания людей в неволе. Среди многочисленных мест принудительного содержания наиболее распространенными были тюрьмы, арестные дома, гетто, лагеря военнопленных, лагеря гражданского населения, рабочие и трудовые лагеря (колонны, батальоны, команды), пересыльные лагеря и лагеря у переднего края немецкой обороны.

Создание лагерей для военнопленных на территории области в 1941 году произошло в результате пленения немецкими войсками сотен тысяч бойцов и командиров соединений Западного фронта Красной Армии. Такого количества пленных вермахт не ожидал и был к этому не готов. Поэтому лагеря создавались либо на приспособленных территориях, либо в чистом поле, участки которого были обнесены колючей проволокой и охранялись. Такой большой лагерь для военнопленных и гражданского населения был создан немецкими оккупантами на территории цементного завода в г. Кричеве. Одновременно здесь содержалось более 15 тысяч пленных красноармейцев и местных жителей [Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси 1941-1944/Авт.сост. В. И. Адамушко и др.: науч. ред. Р. П. Платонов, В. И. Адамушко. – Мн.: НАРБ, 2001. – с. 61]. Всего за два года через него прошло не менее 35 тысяч человек. К сожалению, пока не исследованы немецкие документы, более точное количество военнопленных, как и погибших здесь, до сего дня неизвестно. Цифра «18 тысяч погибших в лагере», которую называют многие журналисты, писатели и книга «Память. Кричевский район», документально не подтверждена. Но это ни в коей мере не умаляет трагедию, бесчеловечное содержание узников и их мученическую смерть в лагерных условиях.

Территория лагеря была обнесена колючей проволокой и усиленно охранялась. По периметру и в центре были построены вышки с пулеметами и прожекторами. Узники размещались в деревянных бараках без крыши и в подвалах, на цементном или земляном полу. Иногда для подстилки использовалась солома. Вскоре этих мест стало не хватать, и люди располагались под открытым небом.

На расчистке завалов завода и других работах трудились от темна до темна. Тех, кто не мог таскать на себе воду, лес, песок, избивали палками, травили собаками, а совершенно обессилевших расстреливали. В начале января 1942 года на почве голода, грязи и вшивости в лагере вспыхнула эпидемия сыпного тифа. Стараниями врачей-военнопленных в лагерном госпитале была организована примитивная дезинфекционная камера (вошебойка), которая и способствовала снижению вшивости узников и заболеваний тифом.

Несколько улучшилось положение в лагере, когда весной 1942 года туда был назначен новый комендант, хорошо знавший русский язык. Он потребовал от врачей, санитаров и обслуживающего персонала гуманного обращения с людьми. По свидетельству бывшего узника В. Томникова, комендант запретил использование охраной палок и побои, заменив их карцером. Были проведены большие работы по обустройству помещений, отопления и переделке нар. Это лишь частично, но все же облегчило быт узников. Другие свидетели также вспоминали бараки и двухэтажные дома с нарами, колючую проволоку и «телегу, на которой ходячие мощи каждое утро вывозили куда-то иссушенные трупы военнопленных». По заключению немецких врачей, для поддержания жизни военнопленных, занятых на работах, их дневной рацион должен был составлять 200 г хлеба, 13 г мяса, 15 г жиров и 20 г сахара. Но взять продукты на внеплановые тысячи узников было негде, и они обходились без «мяса, жиров и сахара», довольствуясь баландой из бураков, брюквы и куском хлеба.

Лагерный врач военнопленный Л. Атанасьян вспоминал, как ежедневно в лагере можно было видеть наших раненых, которые сидели на земле в 6-7 метрах от проволоки и держали в руках сделанные из дерева простые игрушки. Они обменивали их у местных детей на кости домашних животных, из которых потом, смешав с травой, варили похлебку.

По свидетельству выживших узников, голод, холод, изнурительный физический труд, страшная скученность, антисанитария и отсутствие элементарных человеческих условий ежедневно уносили из жизни 50-60 человек. Фашисты оборудовали каменный подвал, куда бросали тела умерших, замученных и расстрелянных заключенных. Собранные в подвале трупы немцы периодически сжигали в специально оборудованной для этого заводской печи. Хоронили узников и в ямах на территории концлагеря. Иногда расстрелы производились у д. Прудок на другом берегу Сожа. Всего с 1941 по 1943 год через концлагерь прошли тысячи местных жителей и пленных красноармейцев. Среди них Алексей Макаров, Семен Алтаев, Левон Атанасьян, Владимир Томников, Владимир Кузменков и другие, которые выжили в лагере и оставили свои воспоминания о пребывании там. Для увековечения памяти погибших в 1981 году на территории цемзавода установлен памятник – мемориальная стена, на которой размещены две доски с надписями-посвящениями. Рядом на постаменте – камень-валун с рельефным изображением руки узника лагеря, разрывающей колючую проволоку.

До сего дня мы не знаем списка, сколько человек и кто содержался в лагере на Кричевском цемзаводе. Одно достоверно: здесь, кроме военнопленных Красной Армии, находились врачи, учителя, инженеры, рабочие и колхозники (иногда целыми семьями с детьми), другие мирные жители Могилевской, Смоленской, Орловской и других областей Советского Союза. Выдающийся краевед и патриот родного края Михаил Федорович Мельников составил в свое время список в несколько десятков бывших узников лагеря, которые остались живы. Вел с ними переписку, с некоторыми встречался в Москве и Кричеве, постепенно собирал материалы в фонды Кричевского музея. Но с его уходом из жизни эта работа практически остановилась. И сегодня, во многом благодаря ему, мы знаем отдельные фамилии и эпизоды из жизни этих людей, а также быт и условия их содержания в лагере.

...Среди узников лагеря оказалась и группа московских артистов. В октябре 1941 года фронтовой музыкальный ансамбль, в котором они выступали, находился на передовой, переезжая с одного боевого участка на другой. В силу быстроменяющейся фронтовой обстановки автомашина, на которой ехали артисты, на полном ходу въехала в деревню, занятую немцами, и весь ансамбль оказался в плену у врага. В составе ансамбля находился Александр Иванович Окаемов — известный московский артист, певец Всесоюзного радио, один из первых исполнителей знаменитой песни «Орленок». До войны его имя гремело на весь Советский Союз. Вместе с ним в плен попал и Геннадий Павлович Лузенин — главный дирижер Московского государственного хора филармонии, создавший до войны в Москве оригинальный хор русской песни.

Артисты вначале попали в Рославльский, а затем оказались в Кричевском концлагере. Вскоре Чериковский отдел нацистской пропаганды по приказу окружного фельд-коменданта полковника Фишера создал в лагере концертные бригады из заключенных, которые выступали в немецких гарнизонах и церквях Рославля, Пропойска, Черикова, Кричева, других местах. Окаемов и Лузенин возглавили Русский хор. Они получили возможность проживать на квартире в городе. Здесь артисты связались с подпольщиками и стали получать от них задания. Используя свободу передвижения, артисты активно участвовали в сборе разведданных, распространяли листовки и сводки Совинформбюро, а с декабря 1942 года включились в диверсионную работу. В феврале 1943 года по доносу провокатора А. Окаемов и Г. Лузенин вместе с группой подпольщиков г. Кричева были арестованы. В гестапо их подвергли жестоким пыткам, требуя указать, где находится рация, по которой передавались разведсведения, а также назвать имена подпольщиков. Но патриоты молчали. В холодный зимний вечер 21 февраля (по другим данным — 23 февраля) их вывезли за Сож и у д. Прудок расстреляли. Но история с московскими артистами на этом не закончилась. Немецкая пропаганда оболгала эти имена. Еще при их жизни оккупанты запустили информацию о том, что известные советские артисты А. Окаемов и Г. Лузенин перешли на их сторону и служат Великой Германии, исполняя гимны в честь

победоносного германского оружия. В Москве, поверив этому, артистов стали считать предателями. Все пластинки с записями песен Александра Окаева были уничтожены. И так продолжалось двадцать лет. Правду удалось восстановить только в 1960-е годы. И вновь благодаря Михаилу Мельникову, а также журналисту Михаилу Колпакову и режиссеру Ленинградского телевидения Андрею Бобилькову, который сделал об их подвиге документальный фильм «Дорогой бессмертия». Они скрупулезно собрали документы о кричевском подполье, хронологически восстановили все события того времени и доказали, что Александр Окаев и Геннадий Лузенин были настоящими патриотами и героически погибли в числе других подпольщиков, не выдав своих товарищей.

Пусть поздно, но истина восторжествовала. В 1965 году Родина посмертно наградила героев медалями «За боевые заслуги» (в литературе встречаются медаль «За отвагу», орден Отечественной войны I степени — авт.), их именами названы улицы в Кричеве, Перми и Рязане, фамилии артистов нанесены на мраморную доску в Концертном зале имени П. И. Чайковского Московской филармонии.

30 сентября 1981 года на месте расстрела более 1200 советских мирных жителей и военнопленных у д. Прудок, на левобережье Сожа, был открыт памятник (скульптор Э. Астафьев, архитектор Ю. Казаков), представляющий собой скульптурную композицию из двух человеческих фигур, поющих во время расстрела. Рядом со скульптурами установлен мемориальный знак и зажжен Вечный огонь.